

Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.

Особенности кризисов транзитивности в период карантина

Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S.

Features of transitivity's crises during the quarantine period

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, Москва
Институт психологии им. А.С. Выготского РГГУ, Россия, Москва
Психологический институт РАО, Россия, Москва*

Описываются виды транзитивности – кризисная и текучая – и анализируются их различия. Раскрывается связь разных видов транзитивности с поведением в Интернете и в ситуации пандемии. Наряду с разными типами транзитивности, мы можем говорить и о разных формах Интернета – онлайн и офлайн. Существует связь между жесткой и on-line ситуациями, идентичных в том, что в обоих случаях сложно что-то изменить. С этой точки зрения, есть определенное сходство между текучей транзитивностью и ситуацией off-line. Показываются изменения критериев, по которым люди себя оценивают в разных пространствах. Это лайки, и перепосты (в сети), и социальный статус или число цитирований (h-индекс) в реальном взаимодействии, причем число групп социализации является важным фактором и в транзитивном реальном обществе, и в сетевом. Трансформация этих критериев оценки и презентации себя сказываются и на содержании идентичности. Раскрываются изменения в идентичности, происходящие в последние годы. Анализируется понятие партиципации и изучаются стратегии построения идентичности, которые рассматриваются как компенсаторные механизмы в ситуации неопределенности. Результатом влияния отдельных аспектов офлайн и онлайн пространства является выбор стратегий партиципативной и биографической идентичности, а также формирование стиля идентичности, связанного с особенностями ориентации в потоках информации при принятии решений. Приводятся эмпирические данные, доказывающие сходство между психологическим состоянием и уровнем тревожности в ситуациях кризисной и текучей фаз транзитивности, а также первой и второй волнами карантина по COVID 19. Полученные материалы приводят к выводу о тесной связи между показателями эмоционального благополучия во время карантина и кризисами, происходящими в социокультурной реальности. Эти данные подтверждают необходимость более разностороннего и комплексного

обучения психологов, в том числе и по программам, реализуемым в рамках Liberal Arts. Доказывается, что опыт, возникающий в Интернет-пространстве, может помочь адаптироваться к кризисным ситуациям, возникающим в реальности, и повысить эмоциональное благополучие людей.

Ключевые слова: транзитивность, пандемия, социокультурное и интернет-пространства, идентичность, самопрезентация, виртуальное пространство, Liberal Arts.

Для цитирования: Марцинковская, Т.Д., Полева, Н.С. Особенности кризисов транзитивности в период карантина // Новые психологические исследования. 2022. № 1. С. 71–87. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_01_04

Транзитивность в социокультурном и интернет-пространствах

В течение последних лет нами были изучены кризисы транзитивной социально-психологической реальности, связанные с глобализацией и массовыми миграционными процессами, в том числе межкультурными коммуникациями, и проведено их сравнение с поведением в интернете и социальных сетях.

В процессе теоретических и эмпирических исследований были выявлены и описаны два типа транзитивности – кризисная и текучая. При жесткой, кризисной транзитивности возникают резкие изменения, как социокультурной ситуации, так и эмоционального состояния людей в зависимости от их отношения к происходящим кардинальным изменениям и их возможностей совладать с ними. При текучей транзитивности изменения происходят постепенно, но неопределенность ситуации постоянно увеличивается, поэтому оценка ситуации и отношение к изменениям формируются медленно, но неизбежно.

Полученные материалы показывают, что связь между сетевым, виртуальным и транзитивным пространствами проявляется, прежде всего, в неопределенности и множественности контекстов, групп, языков, вариантов идентичности. Неопределенность этих пространств тесно связана с изменчивостью. Постоянно меняются критерии, по которым люди себя оценивают и презентуют другим. Здесь и лайки, и перепосты (в сети), и социальный статус или число цитирований (h-индекс) в реальном взаимодействии, при этом число групп социализации является важным показателем и в транзитивном реальном обществе, и в сетевом (Марцинковская, 2019).

Наряду с разными типами транзитивности, мы можем говорить и о разных формах Интернета – онлайн и офлайн. Можно также говорить об ассоциации между жесткой и on-line ситуациями, сходными в том, что в обоих случаях сложно что-то изменить. С этой точки зрения, есть определенное сходство между текучей транзитивностью и off-line в интернет-пространстве. Здесь существует возможность несколько поменять реакции, оценки, эталоны. Поэтому данные ситуации в некоторых пределах обратимы, хотя в любом случае необходимо помнить о том, что ситуация неизбежно изменяется, то есть идет как бы примерка того, что будет при ее резком изменении. Отличия связаны с тем, что в реальном пространстве текучая транзитивность переносится тяжелее, а в интернет пространстве, напротив, – on-line. Поэтому возможно соединение двух пространств по принципу замещения для преодоления фрустрации (Марцинковская, 2019). При этом неопределенность, множественность и изменчивость остаются доминантами общего направления развития обоих пространств, меняя степень своей кардинальности.

В зависимости от личностных характеристик транзитивность психологически проявляется либо в привыкании к ситуации с возможностью продолжать активную жизнь в новых условиях, либо в усилении депрессии. Результаты исследования (использовались тесты: толерантность к неопределенности и личностные характеристики) показали, какие личностные характеристики положительно коррелируют с совладанием с флюидной транзитивностью – это толерантность к неуверенности, открытость и, в меньшей степени, сознательность. Отрицательные корреляции были получены с такими чертами, как экстраверсия и эмоциональность, что можно было предсказать.

Ситуация усугубилась с появлением пандемии и карантинных, связанных с первой и второй волной COVID-19.

Все эти изменения серьезно отразились и на содержании идентичности, и на стратегиях ее построения, и на ее представленности в социальных сетях

Основные стратегии конструирования идентичности

Современное состояние проблемы исследования идентичности определяется целым рядом факторов, среди которых – постоянное расширение проблематики идентичности, формирование определенных «точек согласия» среди исследователей и формирование тенденции понимания идентичности как следствия стратегий

ориентировки в потоке информации. При «переносе» в пространство виртуального взаимодействия эти характеристики актуального состояния проблематики идентичности сохраняются и усиливаются, а психологическая феноменология конструирования идентичности в реальном и сетевом пространстве создает единое проблемное поле исследований идентичности (Белинская, 2018, 2019).

Современные психологические исследования идентичности характеризуются смещением акцентов со структурных составляющих к анализу ее процессуальных характеристик. Здесь мы можем выделить два основных подхода: 1) выбор объекта как стратегии идентификации и 2) реинтерпретация идентичности как результата выбора стратегии ориентации в информационных потоках.

Выбор группы в качестве объекта идентификации говорит о выборе стратегии ориентации на социальную идентичность. Соответственно второй тип предполагает выбор стратегии личностной идентичности и связан с ориентацией на собственные ценности, повышение автономности и ответственности (Леонтьев, 2009, 2012).

Выбор стратегии партициптивной идентичности

Результатом влияния отдельных аспектов транзитивного и виртуального пространств является выбор стратегии партициптивной (функциональной и сегментативной) и биографической идентичности, которые рассматриваются в качестве компенсаторного механизма в ситуации неопределенности. Доминирование стратегии партициптивной идентичности предполагает ориентацию на групповые нормы и ценности и, соответственно, ведет к смещению баланса в континууме «личностная идентичность – социальная идентичность» к социальным параметрам идентичности и социализации в континууме «социализация – индивидуализация» (Куренной, 2013; Марцинковская, 2015).

Термин «партиципация» обладает еще одной важной смысловой коннотацией для понимания конструирования реальной и сетевой идентичности – партиципация как культурная практика участия и соучастия, как в офлайн, так и в онлайн пространстве. В таком контексте партиципация предполагает трансформацию пассивной позиции потребителя в активную позицию производителя и соотносится с понятием «просьюмеризма». Современный пользователь социальных сетей является не только потребителем информации, но и сам становится просьюмером – автором контента и производителем смыслов. Таким образом, партиципация проявляется в выборе

человеком группы идентификации (офлайн и онлайн), что является важным, как для социальной, так и для персональной составляющей идентичности в ориентации при конструировании Образа Я на нормы и ценности группы идентичности, в генерировании собственного (авторского) контента, в вовлеченности человека в участие и со-участие в различных социокультурных практиках в офлайн и онлайн режиме (от традиционных «лайк, шер, репост» до флэшмобов и краудфандинга). Партиципация предполагает/требует от современного человека субъектности, активности, осознанности выбора, ответственности, а также вовлеченности в производство практик и смыслов. В таком контексте конструирование реальной и цифровой идентичности может рассматриваться как «управляемая партиципация» (либо как принцип партиципации в конструировании идентичности).

Ориентация на стратегию биографической идентичности

Выбор стратегии биографической идентичности предполагает, как уже отмечалось, ориентацию на свои собственные ценности, значимые события жизни и т.д. В истории культуры автобиографическая память и феномен автобиографирования тесно связаны с развитием технологий, которые опосредуют процесс фиксации, сохранности и актуализации содержания автобиографии – от живописных образов к дневникам и мемуарам, от фото- и видео съемки к персонализированному контенту социальных сетей (Куренной, 2013; Нуркова, 2019).

Биографическая идентичность как конструирование собственного индивидуального жизненного пути, или траектории жизни, основана на переживании и осознании преемственности и целостности собственного Я, что подчеркивает особую роль и значимость автобиографической памяти. Феномен биографической идентичности связан с психологической феноменологией транзитивности, особенно с переживаниями неопределенности современной эпохи, когда автобиографическая память выступает необходимой основой биографической идентичности. В связи с этим важно отметить, что потребность в появлении автобиографической памяти и биографической идентичности возникает в антропогенезе, когда в культуре оформляется запрос на такой тип идентичности и постоянную коррекцию Я-концепции, когда объектом идентификации становится собственный внутренний мир личности – мысли и переживания человека, субъективно значимые события его жизни и жизни социума. Автобиографическая память и биографическая идентичность

становятся знаковым феноменом культуры префигуративного типа, что связано с трансформациями моделей трансмиссии культуры. Результатом усиления темпов развития технологий и социальных изменений является утрата эффективности построения идентичности с опорой на традицию, на прошлый опыт родителей, а ориентация на готовые модели, образцы и правила либо затруднена в силу их высокой вариативности и множественности, либо может вести к дезадаптивным последствиям. В таких социокультурных условиях от современного человека требуется повышенная рефлексивность в анализе особенностей своей индивидуальности, личностных интересов и ценностей, собственного уникального опыта и конструирования на его основе траектории своего индивидуального жизненного пути. В этом контексте запрос на автобиографическую память и биографическую идентичность в современной информационной культуре можно рассматривать как одно из проявлений тенденции к индивидуализации (Марцинковская, 2016; Нуркова, 2019).

Генерирование персонализированного контента в социальных сетях является не только источником информации, но и способом коммуникации – рассказом автора о себе, автобиографическим нарративом пользователя. Ориентация конструирования биографической идентичности на сетевую аудиторию позволяет автору нарратива получить обратную связь в виде «лайков», «перепостов» и «комментов»: какие «истории» наиболее интересны и пользуются большей популярностью, какие не находят отклика. Это самопрезентация определенного нормативного образа Я, во многом идеализированного и эстетизированного, возможность представить свою жизнь как интересную, насыщенную, осмысленную, привлекательную и достойную подражания в глазах сообщества. Это трансляция его понимания норм и ценностей, паттернов поведения, представлений о «хорошей жизни», визуальный рассказ человека о том, что является для него значимым, существенным и должным. Причем важно отметить, что автобиографический Я-нарратив всегда повествует о ценностях, но не называет их (Сапогова, 2011; Турушева, 2018). Фотографии пользователя в социальных сетях, включая селфи, – не просто снимок себя, а средство репрезентации прежде всего социальной идентичности пользователя – его индивидуализированный нормативный образ Я как «нормальной девушки», «хорошего друга», «спортсмена», «туриста», «заботливой бабушки» и т.д. (Мартынов, 2014). Одновременно это и способ самокатегоризации личности пользователя. Посредством коммуникации человек получает подтверждение и признание

своей идентичности со стороны других членов комьюнити или сигналы о необходимости верификации каких-то ее составляющих.

Размещая фотографии на своей индивидуальной странице в социальных сетях, пользователь осуществляет предварительную селекцию фактов и событий своей жизни: фотографии каких именно событий войдут в его визуальный рассказ и будут выстраивать его личную историю, а какие будут отвергнуты. Событие «происходит», если человек рассказывает о нем, руководствуясь своими ценностями и смыслами, и «не происходит», если человек игнорирует его и не имеет намерения «распаковать» его смысл. Так посредством нарратива обеспечивается легитимизация определенных событий в индивидуальном бытии и обретение ими онтологического, экзистенциального или нарративного статуса как итога рефлексии, что придает осмысленность и упорядоченность этому бытию. Другими словами, как человек выстраивает свой автобиографический нарратив, будет зависеть от того, какие факты и события выбраны и отображены им, а не от реально происшедшего. При условии рефлексивно-интерпретативного отношения к своей собственной жизни посредством создания автобиографических нарративов человек постоянно сотворяет и воссоздает себя. Это позволяет говорить о визуальном автобиографическом Я-нарративе как о способе «заботы о себе», «техниках себя» по Фуко, которые становятся современными практиками повседневности (Фуко, 2007; Нуркова, 2019; Сапогова, 2011, 2016).

Индивидуальные страницы пользователей социальных сетей и генерирование персонального контента становятся пространством конструирования сетевой идентичности как репрезентации личности, способом самокатегоризации, самоописания и самопознания. По словам А. Мановича, Instagram является своеобразным окном в мысли и изображение людей (Манович, 2015). Анализ содержания визуального и смешанного контента (Белинская, Гавриченко, 2018; Нуркова, 2019) показывает, что персональная страница пользователя социальных сетей – это репрезентация индивидуальной картины мира. В словосочетаниях «репрезентация личности», «репрезентация картины мира» ключевым для понимания феноменологии сетевой идентичности является понятие «репрезентация», которое имеет множество интерпретаций. В этой статье репрезентация – это опосредованное представление одного объекта через другой, как «перепредставление». Это не мимесис, не просто адекватное воспроизведение в виртуальной реальности своей личности или картины мира, а создание субъективной реальности. Это те изменения и трансформации, связанные с эмоциональ-

ным состоянием, особенностями памяти и т.д., которые вносятся в первичное восприятие при его воспроизведении. В терминах Шпета – это субъективация объективного и объективация субъективного. Это внутренние детерминанты, которые опосредуют, индивидуализируют процессы восприятия и переработки информации, что позволяет говорить о сетевой идентичности как о репрезентации личности и об особенностях персонализированного авторского контента как о репрезентации субъективной картины мира пользователя. В виртуальном пространстве и сетевая идентичность, и репрезентация картины мира имеют двойное опосредование – онлайн технологиями и внутренними субъективными факторами.

Соотношение реальной и виртуальной идентичности

Второй подход основывается на концепции стилей идентичности М. Берзонски, где понимание идентичности связано с разными стилями ориентировки и обработки информации в ситуации выбора и принятия решения, которые составляют структурно-динамические особенности идентификации. Результаты эмпирических исследований, проведенных на основе этой теоретической модели, позволяют говорить об особенностях влияния виртуального пространства на людей с разными стилями идентичности, а также о различиях в соотношениях реальной и сетевой идентичности (Berzonsky, Sullivan, 1992; Белинская, 2016, 2019; Белинская, Марцинковская, 2018). Так в исследованиях Белинской Е.П. представлены данные о различиях в соотношении виртуальной и реальной идентичности, полученные на выборке представителей «цифрового поколения» с разными стилями идентификации. Для пользователей с информационным стилем идентичности виртуальная коммуникация образует единое пространство с реальностью, являясь источником самоподтверждения: стиль идентичности сохраняется в ситуациях реального и виртуального взаимодействия, содержание образов «Я реальное» и «Я виртуальное» практически совпадает, характеризуется минимальным расхождением и преобладанием позитивных самохарактеристик. Пользователи с нормативным стилем показали максимальное расхождение реального и виртуального Я, снижение нормативности и увеличение негативных оценок в ситуации сетевой коммуникации, которая являлась для них источником самоконструирования. Пользователи с диффузным стилем идентичности также демонстрировали расхождение реального и виртуального образа Я. При этом «Я виртуальное» оценивалось более позитивно, а виртуальное пространство становилось ресурсом

самоусиления. Важно отметить, что пользователи с нормативным и диффузным стилем идентичности составляли большинство выборки. По мнению Белинской, при всех субъективно отмечаемых участниками исследования совпадениях реальности и виртуальности создание виртуального Я все же в большей степени являлось для них одним из вариантов самопрезентации (Белинская, 2016, 2018, 2019).

Психологическое состояние и поведение людей в течение первой волны карантина

Для изучения психологического состояния людей в ситуации фрустрации пространства был разработан опросник, включающий в себя разные аспекты переживания и поведения в ситуации карантина (Марцинковская, Ткаченко, 2021).

Как уже говорилось в предыдущих публикациях (Марцинковская, 2020), вопреки ожиданиям существенных различий в выборе источников информации между респондентами обеих возрастных групп обнаружено не было. Практически все не только искали информацию в Интернете, но и доверяли этой информации больше, чем телевизионной. По-видимому, когда речь идет о важной для жизни информации, не только молодые люди, но и взрослые, и пожилые стараются получить данные из разных источников, в том числе из разных интернет-ресурсов.

Не было выявлено и существенной разницы в поведении людей обеих возрастных групп. Обе группы испытывали раздражение из-за необходимости соблюдать жесткие предписания изоляции. Основное различие в эмоциональном состоянии молодых и пожилых было связано с временной перспективой. Пожилые люди переживают депрессию не столько из-за ситуации карантина и ограничения передвижения, сколько из-за боязни, что для них эта ситуация может стать постоянной до конца жизни.

Изменение повседневного распорядка уже сказывается и на работе, и на общении с родными и близкими, и даже на проведении досуга. Опасения постоянства возникших ограничений уменьшают временную перспективу и омрачают представления о будущем.

Молодые люди в меньшей степени склонны к депрессии и не рассматривают карантин с точки зрения сужения временной перспективы и изменения своих глобальных планов на будущее.

Сохранению эмоциональной стабильности способствует и тот факт, что они в большей степени смогли найти замещение реального общения и проведения досуга виртуальным в Skype и Zoom. Это и

обучающие он-лайн-курсы, а также появление новых хобби и новых способов проведения досуга.

Необходимо подчеркнуть и тот факт, что потребность в эмоциональной защите и комфорте возрастает, но, несмотря на это, роль семьи меняется, так как она также может стать источником беспокойства, из-за длительного нахождения и общения людей друг с другом в замкнутом пространстве. Поэтому негативные эмоциональные переживания могут быть связаны именно с этим постоянным общением, особенно в тех случаях, когда нет взаимопонимания и поддержки.

Транзитивность: первая и вторая волны карантина

Мы предположили, что психологическая феноменология первой и второй волн карантина аналогична феноменологии кризисной (первая волна) и флюидной (вторая волна) транзитивности. В обоих случаях происходит либо резкое и радикальное изменение всей ситуации и перестройка жилого пространства, либо тиражирование уже знакомого сценария, который может продолжаться с некоторыми вариациями бесконечно долго.

Исходя из этого, в ситуации первого и второго карантина мы повторили тот же диагностический план, что и в транзитивности, и добавили к нему еще отношение к работе, учебе, досугу и общению в дистанционном формате – Zoom, Skype. Респондентами были люди двух возрастных категорий – 17–25 и 40–55 лет.

Результаты показали, что онлайн-форму работы как основную форму активности отметили почти все респонденты. Это обусловлено ситуацией, а не личным выбором. Но общение и формы досуга в большей или меньшей степени связаны с мотивацией и умениями людей. Старшие респонденты мечтают о реальных посещениях родственников и знакомых, театров и выставок. Молодые люди научились общаться через сети и интернет-платформы. Они создали новые увлечения и новые способы проведения досуга, в которых они вместе играют и даже танцуют (вечеринки с масштабированием, обсуждение потокового видео и т. д.).

Результаты анкетирования также показали практически полное совпадение данных, полученных в ситуации социокультурного кризиса и первой волны карантина. Те же личные качества положительно коррелируют с преодолением первой волны карантина – это толерантность к неуверенности, открытость и, в меньшей степени, сознательность. Отрицательные корреляции были получены с такими чертами, как экстраверсия и эмоциональность.

Также был отмечен важный момент, связанный с увеличением числа людей, положительно оценивающих новые технологии. Респонденты отвечали, что надеются на изменения в лучшую сторону, и отмечали важность новых технологий для модернизации мира, распространения робототехники и улучшения экологической ситуации.

Мониторинг психологического состояния людей в период второй волны карантина показал некоторое увеличение позитивного самочувствия, прежде всего повышение положительной оценки онлайн-работы и обучения. Если вначале многие фиксировали сложности в работе и занятиях, то через некоторое время респонденты начали отмечать и преимущества в удаленном способе работы и учебы.

Данные повторных тестирований во время второй волны существенно отличались от результатов, полученных в ситуации транзитивности до пандемии и во время первой волны карантина. Анализ результатов показал, что включение виртуального пространства размывает картину. Чем больше люди привыкают к распределению времени в обоих пространствах, тем менее выражена взаимосвязь между депрессией и личными качествами из-за включения онлайн-формата активности. Это не зависит от возраста, а только от открытости и толерантности к онлайн-формату.

Оказалось, что даже при появлении возможности очного варианта работы и обучения многие предпочитают гибкий вариант – on и off-line, отмечая преимущества обоих вариантов в разных ситуациях. Это касается и общения, и, что самое интересное, досуга.

Заключение

Полученные при изучении транзитивной ситуации в реальном социокультурном пространстве данные доказали свою достоверность и при анализе состояния людей в интернет-пространстве и социальных сетях. Особенно значимым является выделение двух видов транзитивности – кризисной, жесткой и мягкой, текучей.

Значимость этих вариантов транзитивности подтверждается и при анализе переживаний людей в период пандемии и фрустрации жизненного пространства. Результаты исследований подтвердили тесную связь между показателями эмоционального благополучия во время карантина и кризисами, происходящими в социокультурной реальности.

Изменения содержания идентичности и стратегий самопрезентации также подтверждают влияние переживаний жестких кризисных ситуаций на позиционирование себя в социальных сетях.

Важным фактом является то, что опыт, возникающий в Интернет-пространстве, может частично адаптировать людей к кризисным ситуациям, происходящим в реальности, повысить позитивность их эмоционального состояния и улучшить отношение к новым технологиям. Полученные материалы также доказывают необходимость комплексного обучения студентов по программам, в которых представлены различные дисциплины, изучающие эмоциональное состояние и поведение людей в реальном и виртуальном пространствах.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

Литература

Белинская, Е.П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. № 2. С. 31–40.

Белинская, Е.П. Психологическая феноменология и тенденции сетевой идентичности // Цифровое общество в культурно–исторической парадигме. М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. С.73–79.

Белинская, Е.П. Сетевая идентичность: управляемая самопрезентация или подлинное Я? // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Материалы международной научной конференции. Коллективная монография / Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018. С. 92–97.

Белинская, Е.П., Гавриченко, О.В. Самопрезентация в виртуальном пространстве: феноменология и закономерности // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 60. С. 12. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html> (дата обращения 20.11.2021).

Белинская, Е.П., Марцинковская, Т.Д. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сб. научных статей и материалов международной конференции (Коломна, 14–17 февраля 2018 г.) / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. С. 43–48.

Куренной, В.А. Иррациональная сторона рационального // Отечественные записки. 2013. № 1(58). С. 70–78.

Леонтьев, Д.А. Идентичность личности в полисоциальном мире // *Философские науки*. 2012. № 11. С. 89–105.

Леонтьев, Д.А. Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека // *Философские науки*. 2009. № 10. С. 5–10.

Манович, Л.З. Инстаграм – это окно в мысли и воображение человека // *МедиаПрофи*. 2015. URL: http://mediaprofi.org/community/interview/item/2492-lev_manovich_instagram (дата обращения 20.11.2021).

Маргынов, К.К. Селфи: между демократизацией медиа и self-коммодификацией // *Логос*. 2014. № 4(100). С. 73–86.

Марцинковская, Т.Д., Ткаченко, Д.П. Опросник «Переживания пандемии COVID–19» // *Новые психологические исследования*. 2021. № 1. С. 54–68. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_03

Марцинковская, Т.Д. Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по Covid–19 // *Вопросы психологии*. 2020. Т. 66. № 4. С. 104–114.

Марцинковская, Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // *Консультативная психология и психотерапия*. 2019. Т. 27. № 3(105). С. 77–96. DOI: 10.17759/cpr.2019270306

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская, Т.Д. Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Нуркова, В.В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ. М.: Издательство Юрайт, 2019.

Сапогова, Е.Е. Автобиографирование как процесс самодетерминации личности // *Культурно-историческая психология*. 2011. № 2. С. 37–51.

Сапогова, Е.Е. Автобиографирование: «бытие под собственным взглядом» // *Развитие личности*. 2016. № 1. С. 92–115.

Турушева, Ю.Б. Автобиография: мир, в котором я мог бы жить // *Интерлос. Международный журнал исследований культуры*. 2018. №1(30). С. 81–88. <http://www.intelros.ru/readroom/mezhdunarodnyy-zhurnal-issledovaniy-kultury/ku1-2018/38761-avtobiografiya-mir-v-kotorom-ya-mog-by-zhit.html> (дата обращения 20.11.2021).

Фуко, М. [Foucault] Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

Berzonsky, M.D., Sullivan, C. Social_Cognitive Aspects of Identity Style: Need for Cognition, Experiential Openness, and Introspection // *Journal of Adolescent Research*. 1992. Vol. 7. P. 140–155.

Сведения об авторах

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия; 119571, Россия; Москва, пр. Вернадского, д. 82; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; *martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Наталья С. Полева, кандидат психологических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия; 119571, Россия; Москва, пр. Вернадского, д. 82; Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д.9, стр.4; *npoleva@mail.ru*

Martsinkovskaya T.D., Poleva N.S.

Features of transitivity's crises during the quarantine period

The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration, Moscow, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia

The types of transitivity – crisis and fluid, are described, and their differences are revealed. The connection of different types of transitivity with behavior in the Internet and in a pandemic situation is revealed. Along with different types of transitivity, we can talk about different forms of the Internet – online and offline. There is a connection between crisis and on-line situations, because in both cases it is difficult to change something. From this point of view, there is a certain similarity between fluid transitivity and off-line. Changes in the criteria by which people evaluate themselves in different spaces are shown. These are likes, and re-posts (on the network), and social status or the number of citations (h-index) in real interaction, while the number of socialization groups is an important indicator both in a transitive real society and in the network. Changes in these criteria for assessing and presenting oneself affect the content of identity. The changes in identity that have taken place in recent years are revealed. The concept of participation is analyzed and strategies for building identity are studied. These strategies are considered as compensatory mechanisms in a situation of uncertainty. The result of the influence of certain aspects of the offline and online space is the choice of strategies for participatory and biographical identity, as well as the formation of an identity style associated with the peculiarities of orientation in information flows when making decisions. Empirical data are presented that prove the similarity between the psychological state and the level of anxiety in situations of crisis

and fluid phases of transitivity and the first and second waves of quarantine for COVID 19. The obtained materials showed a close relationship between indicators of emotional well-being during quarantine and crises occurring in socio-cultural reality. These data show the need for more multipurpose and comprehensive training of psychologists, including the programs implemented within the framework of Liberal Arts. It is proved that the experience arising in the Internet space can help to adapt to crisis situations occurring in reality and increase the emotional well-being of people.

Key words: transitivity, pandemic, socio-cultural and Internet spaces, identity, self-presentation, virtual space, Liberal Arts.

For citation: Martsinkovskaya, T.D., Poleva, N.S. (2022). Features of transitivity's crises during the quarantine period. *New Psychological Research*, No. 1, 71–87. DOI: 10.51217/npsyresearch_2022_02_01_04

Acknowledgment

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

Belinskaya, E.P. (2016). Interrelation of real and virtual identity of users of social networks. *Obrazovanie lichnosti*, 2, 31–40.

Belinskaya, E.P. (2018). Network identity: controlled self-presentation or true self? In T. Martsinkovskaya, V. Orestova, O. Gavrichenko (Eds.), *Tsifrovoe obsbchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kollektivnaya monografiya* (pp. 92–97). Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet.

Belinskaya, E.P. (2019). Psychological Phenomenology and Tendencies of Network Identity. In *Tsifrovoe obsbchestvo v kul'turno – istoricheskoi paradigme* (pp. 73–79). Moscow: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet.

Belinskaya, E.P., Gavrichenko, O.V. (2018). Self-presentation in virtual space: phenomenology and regularities. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11(60), 12. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n60/1606-belinskaya60.html>

Belinskaya, E.P., Martsinkovskaya, T.D. (2018). Identity in a transitive society: virtuality and reality. In R. Ershova (Ed.), *Tsifrovoe obsbchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka: Sb. nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii (Kolonna, 14–17 fevralya 2018)* (pp. 43–48). Kolonna: Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet.

Berzonsky, M.D., Sullivan, C. (1992). Social Cognitive Aspects of Identity Style: Need for Cognition, Experiential Openness, and Introspection. *Journal of Adolescent Research*, 7, 140–155.

Foucault, M. (2007). *Hermeneutics of the subject: a course of lectures given at the College de France 1981–1982 academic year*. St. Petersburg: Nauka.

Kurennoy, V.A. (2013). The irrational side of the rational. *Otechestvennyye zapiski*, 1(58), 70–78.

Leontiev, D.A. (2009). The labyrinth of identities: not a person for an identity, but an identity for a person. *Filosofskie nauki*, 9, 5–10.

Leontiev, D.A. (2012). Personal identity in a polysocial world. *Filosofskie nauki*, 11, 89–105.

Manovich, L.Z. (2015, June 13). Instagram is a window into a person's thoughts and imagination. *MediaProfi*. Retrieved from http://mediaprofi.org/community/interview/item/2492-lev_manovich_instagram

Martsinkovskaya, T.D. (2015). *The problem of socialization in the historical-genetic paradigm*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of the psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2019). Information space of a transitive society: problems and development prospects. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 27(105), 77–96. DOI: 10.17759/cpp.2019270306

Martsinkovskaya, T.D. (2020). Personal boundaries of space and time in a situation of deprivation due to Covid–19. *Voprosy psikhologii*, 66(4), 104–114.

Martsinkovskaya, T.D., Tkachenko, D.P. (2021). Questionnaire “Experiencing the COVID–19 Pandemic”. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, 1, 54–68. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_01_03

Martynov, K.K. (2014). Selfies: between media democratization and self-commodification. *Logos*, 4(100), 73–86.

Nurkova, V.V. (2019). *The psychology of photography. Cultural-historical analysis*. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.

Sapogova, E.E. (2011). Autobiography as a process of personality self-determination. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2, 37–51.

Sapogova, E.E. (2016). Autobiography: “being under one's own gaze”. *Personal development*, 1, 92–115.

Turusheva, Yu.B. (2018). Autobiography: A World I Could Live In. *Intelros. Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury*, 1(30), 81–88. Retrieved from <http://www.intelros.ru/readroom/mezhdunarodnyy-zhurnal-issledovaniy-kul'tury/ku1-2018/38761-avtobiografiya-mir-v-kotorom-ya-mog-by-zhit.html>

Information about the authors

Tatyana D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo av., Moscow, Russia, 119571; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125047; *martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Natalia S. Poleva, Ph.D (Psychology), The Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia; bld. 82, Vernadskogo av., Moscow, Russia, 119571; Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya str., Russia, Moscow, 125009; *npoleva@mail.ru*